

Постигжение

ЖИЗНИ

Творческий портрет

ОНА БОЯЛАСЬ больше всех. И до последнего дня не знала, будет ли играть. А Гелена уже снилась ей по ночам, ходила рядом по улицам, стояла за спиной в гримировочной. И все было полно ею — ее смехом, ее слезами, ее неуловимым польским акцентом. Она думала об этой чужой, придуманной девушке неделю, две, целый месяц. И вот позди премьеры, и много спектаклей, написаны рецензии, — а она по-прежнему с ней.

Трудно объяснить, почему именно Гелена из «Варшавской мелодии» значила для актрисы так много. Сказать, что она прекрасно написана и что в ней есть что играть, — значит не сказать ничего. Не каждая драматически интересная роль становится дорогой актеру, не каждая приносит ему признание и успех. Аверьянова в роли Гелены стала событием прошлого театрального сезона.

Почему же именно Гелена? Разве не было до этого у актрисы интересных актерских работ? Разве не привлекала она и раньше внимание умением находить точные актерские приспособления, создавать очень достоверный внешний рисунок роли? Вспомните хотя бы белокурую Изольду в спектакле «Тристан и Изольда». И там была любовь, высокая, не признающая компромиссов, овеянная романтическим дыханием древней легенды. Аверьянова — Изольда была предельно правдива и сознательно разрушала привычные штампы эпического обаяния, снимая самые высокие ноты мелодраматизма. Она и шла к легендарной героине давно забытых дней от себя, от своих внутренних и внешних данных. Она не поднимала ее на котурны, а максимально приближала к нашему времени, к современному пониманию красоты, любви и верности. И в этом она показала себя умной и тонкой актрисой.

Потом были Ольга в «Годах странствий», Нина Заречная в чеховской «Чайке», Ульяна Громова в «Молодой гвардии», Ольга Петросова в «Легенде о Гавроше из Замосворечья»...

Она сумела проникнуть в образ чеховской Нины и дать ему жизнь. Внешне слабая, сотканная из легких, мимолетных настроений, ее Заречная была в то же время очень требовательной к себе, много и сильно страдала от сознания своего бессилия. Это было тихое течение, за которым угадывались глубины. Мы узнавали ее. И все-таки... Открыть через Нишу Заречную самое себя Аверьянова не смогла. Может быть, потому, что и «Чайка»-то на сцене омского ТЮЗа не «летела» в сегодня, а добросовестно повторяла прошлое, давно знакомое, не оставляя глубокого следа в сердце зрителя.

Уже не открытие, что наиболее современным актером стал актер интеллектуального обаяния. Точно так же, как сильнейшим средством воздействия на сцене стала точно прочувствованная мысль. Мысль — источник самостоятельности и силы Аверьяновой в образе Гелены. То, чего не хватало Нине Заречной, в полную силу вошло в Гелену. Мы увидели, что Галине Аверьяновой есть что открывать, так самостоятельно ее жизненная позиция, так сильно в ней желание утверждать средствами искусства свою веру и свою убежденность. Самостоятельно мыслящего актера — вот что прежде всего почувствовал на этот раз зритель.

Неповторимое, особенное для каждого художника

ка ощущение жизни — вот качество, имеющее сегодня первостепенное значение. Аверьянова принесла нам это ощущение своей талантливой Геленой. Для нее «Варшавская мелодия» не стала привычной историей о трогательной любви, о верности своей юношеской мечте. Ее Гелена — это рассказ о том, что происходит с человеком, которому не дали возможности осуществить себя таким, каким он задуман самой природой. Это рассказ о потерянном счастье, счастье ощущать и осознавать свою внутреннюю гармонию с миром, в котором ты живешь.

Снова, как и всегда, у актрисы был мягкий рисунок роли, умение голосом или чуть заметным движением лица выделить главное. Но было и нечто новое. Жила в ее Гелене какая-то особая мелодия, особый настрой чувств. Как будто актриса хотела сказать все время: «Нет, это не только о любви! Прислушайтесь, уловите! Не пропустите этого. Это самое главное!» Вот она встречает Виктора. Она уже знает, что издан закон, запрещающий браки советских граждан с иностранцами. Она знает, а он еще нет. И она стоит к нему спиной (впервые за всю пьесу). И мы чувствуем: вот оно, препятствие. Сломанная, уставшая, потерявшая вдруг ощущение полета, она будет много говорить о головной боли, о плохом настроении и еще о чем-то. Гелена, до этого все время находившаяся в непрерывном движении, в ликующем грациозном ритме, экспансивная, светящаяся вся изнутри, вдруг замрет и будет долго стоять, не двигаясь, до той секунды, пока не сделает первого шага, и тогда мы увидим ее лицо. Какой контраст с Виктором, с его чувствами в этот миг! После этого мы никогда уже не встретим прежней Гелены. Как бы ни старалась она убедить нас в обратном, в том, что у нее все хорошо, все устроилось в жизни.

Вместе с ней мы войдем в маленький ресторанчик в Варшаве. И там будет ждать ее Виктор. Через десять лет. И все будет очень просто. Ни слез, ни дрожащего голоса. Гелена спокойно сядет за столик. Привычно быстро бросит первые фразы, замесится. Будет говорить о себе, о своем муже, о концертах и успехе. Все очень просто, очень спокойно. Только пальцы ее рук почему-то все время будут стремиться поправить легкое пальто. Раз, еще раз. Потом нервно коснутся стола, опять потянутся к пальто. Ей вроде бы холодно, ее знобит. И в этом едва заметном движении рук мы угадаем, как трудно ей сейчас, как разбудила эта встреча прежнюю Гелену. Нет, ничего не забыто! И она многое, многое отдала бы сейчас, чтобы вернулось то, настоящее, ради чего стоило жить и страдать, что делало жизнь такой пронзительной и звонкой. И дрогнет, отзовется лучшими струнами наше сердце. И почувствуем мы, что на наших глазах разыгрывается трагедия, большая, чем трагедия просто безмерно любящего сердца.

В «Варшавской мелодии» Галина Аверьянова показала себя зрелым мастером, умным и тонким художником.

В ЕЕ даровании органически слились два драгоценных качества: тонкость актерского рисунка и сильно выраженное лирическое начало. Уже в самом начале сценической биографии Аверьянова умела находить неброские, но точные актерские приспособления, достоверно лепила внешний рису-

нок роли. Рыжик, сын Бахирева из «Битвы в цуги», Эдик из «Барабанщицы» Салынского, Петька, герой пьесы Шатрова «Именем революции»... Такие разные и в то же время в чем-то очень похожие — своенравные, необычные и упрямые. В них жила неуемная энергия, задор, жажда познания. А в «Аленьком цветочке», поставленном на сцене Новосибирского ТЮЗа, зрители встретились с Аверьяновой — Аленушкой. И, может быть, именно в Аленушке проявилось то лирическое начало, которое стало определяющим для многих работ Аверьяновой. Ее Аленушка пленяла той истинно русской красотой, которой наделены лучшие героини наших национальных сказок.

В Новосибирске она имела возможность выступить в ролях самого различного плана, и почти ни одна значительная ее работа не осталась незамеченной. И очень скоро появились в репертуаре театра спектакли, которые держались благодаря талантливой игре Аверьяновой. Так случилось со спектаклем «Все это не так просто», в котором Аверьянова играла роль девятиклассницы Зои Лезгиной, «единственная, кто обладала настоящей душой в спектакле». Отметим критики и ее Джульетту, указав, что актриса лирична, глубоко чувствует подтекст роли и с удивительной чистотой передает мир светлых радостей и большой любви.

Подлинным ее триумфом стала девочка из сибирского села Черемшанки — Ална Уралова. Пьесу, написанную Анатолием Ивановым, ругали. «Красный факел» с негодованием отверг ее — что тут играть! Но вот «Алкины песни» зазвучали на сцене ТЮЗа — и произошло чудо. Город был покорен. У театра стояли толпы в напрасной надежде получить «лишний билетик», аншлаги следовали за аншлагом, и все три новосибирские газеты (удивительное и редкое единодушие!) откликнулись на спектакль восторженными рецензиями. Подкупающее обаяние, искренность, высокое профессиональное мастерство по достоинству было оценено и зрителем. Вскоре об успехе Аверьяновой сообщили и центральная пресса. Журнал «Театральная жизнь»

писал: «...Ална Аверьяновой — сама как песня, то лирическая и светлая, словно березка, ставшая символом спектакля, то задорная и смелая, как ее неожиданные частушки, то суровая, мужественная, повзрослевшая. Каждое появление актрисы на сцене придает действию высокий нравственный смысл».

Пожалуй, в этой оценке подмечена еще одна характерная черта актерского дарования Галины Аверьяновой. Актриса умеет в каждой роли прежде всего обнаружить высокое нравственное начало. Ее героини вбирают в себя самые чистые, самые светлые краски человеческого характера. Они молоды по мироощущению, по настрою души. Играя часто почти без грима, в чрезвычайно скупой гамме красок, Аверьянова умеет открыть в создаваемом ею характере его человеческое, гражданское существо, его человеческую значимость. Безразлично, играет ли она в современной пьесе или с сегодняшних позиций оценивает прошлое.

В ЛУЧШИХ своих работах Галина Аверьянова не просто «пассивно» исполняет то, что предложено автором пьесы, а стремится к постижению жизни в ее неповторимом сегодняшнем течении. Сейчас, когда зритель требует от актера прежде всего внутренней чистоты, убежденности, своих через сердце и ум пропущенных оценок, эта черта Аверьяновой — актрисы и человека — особенно дорога.

В. ШОРОХОВ.

НА СНИМКЕ: Г. Аверьянова — Гелена, А. Иртыев — Винтор. «Варшавская мелодия».

Фото Б. ЧИГИШЕВА.